

Нравы

Это было просто круглое зеркало в пластиковой раме, но, когда я потянулась за ним, рука моя дрожала.

— Не спеши, Кэти, — ласково сказала мой психолог Лиза. — Сначала посмотри на грудь, потом выше, потихоньку, не торопясь, сантиметр за сантиметром.

Но я ничего не делаю наполовину — никогда не делала. И несколько багровых пятен на щеках ничего не изменят. Ну как может измениться мое лицо? Ну, красная кожа, ну, несколько шрамов. Но это все равно я, это мое лицо, правда? Я глубоко вздохнула и поднесла зеркало ближе.

Так обычное маленькое зеркальце стало окном в ад.

Из круглой белой рамки на меня глядело что-то страшное. Кроваво-красная кожа сочилась, как кусок сырого мяса в витрине магазина. Из-под вспухших век таращились безжизненными шарами глазные яблоки. Губы раздуты, как сосиски. Ни бровей, ни ресниц... Я отшатнулась. Просто не могла признать своим лицо, которое смотрело на меня из зеркала.

Это не я, — подумалось мне. — Разве можно понять то, что я вижу? Они что, дали мне разбитое зеркало? Или показывают портрет кого-то другого?

Оцепенев от ужаса, я сидела и рассматривала эту незнакомку, изучая миллиметр за миллиметром ее изуродованное лицо. Какой он мутный и тусклый, ее левый глаз. И это голое мясо вокруг уха. Сморщенный комочек, в который

превратился нос. Неестественно запавшие щеки. И все лицо, оплывшее куда-то к шее, как расплавленный воск свечи.

И тут мое отчаянное упорство, с которым я отказывалась верить в этот ужас, пошатнулось. Теперь я больше не была ни телеведущей, ни моделью — с таким-то лицом!

— Нет! — скулила я, и грудь сотрясалась от рыданий. Но слез не было: обожженные глаза не могли даже плакать.

Что вы со мной сделали? — выло у меня внутри. — Где мое лицо? Верните его, отдайте его мне! Я сама все исправлю!

— Это все еще заживет, — успокаивал меня отец.

— Это пройдет, это не навсегда, — добавила Лиза.

Но я не слышала ничего — только биение сердца в груди, шум крови в голове. Голоса доносились откуда-то издалека. Я сидела молча. Но все внутри меня вопило, оплакивая мое прекрасное лицо — лицо, которое у меня украли, отняли навсегда!

Глава 1

Мертвами полна голова

Золотистая пластмассовая тиара на пушистых светлых волосах. Я закутываюсь в красный плащ.

— Улыбнись, Кэти! — Папа приник к глазку своей камеры.

— Я не Кэти, глупый, я Она-Ра! — хихикаю я, когда он щелкает затвором фотоаппарата. — Я сестра-близнец Хи-Мена. Принцесса Силы!

Солнечный весенний день, наш зеленый сад позади дома, и я примеряю свой новый маскарадный костюм.

— Пап, ты меня еще раз сфотографируешь? — улыбаюсь я и кручусь, как юла, так, что плащ развеивается колоколом. Я верчусь и верчусь — и нарциссы с маргаритками сливаются в сплошную бело-желтую полосу. Мне всего три-четыре года, а я уже обожаю фотографироваться!

Я родилась в тихой деревушке в Гэмшире в 1983 году. У меня было идиллическое детство. Мой отец, Дэвид, был владельцем парикмахерской, а мама, Диана, — учительницей. Они боготворили моего старшего брата Пола, мою младшую сестричку Сьюзи и меня.

Озорница, болтушка, вечно ищущая приключений, я обожала наряжаться. Помню мой любимый костюм Она-Ра, мамины старые платья, костюм девочки-ковбоя, пластмассовые браслеты, блестящие заколочки для волос, нарядные платица с кружевными воротничками. «Ты у нас такая

красотулечка!» — восклицали взрослые и улыбались, когда я появлялась во всей красе на пороге своей комнаты.

И дело не в том, что я придавала этому большое значение, — просто обожала быть в центре внимания и вечно устраивала представления для родителей. Каждое Рождество я вместе с Полом и Сьюзи организовывала вертеп, но не позволяла им исполнять главные роли: сестра у меня была осликом, брат, замотанный в гардину, — ангелом, ну а себе я выбирала ведущие партии — и Марии, и Иосифа, и самого Иисуса. Когда к нам приезжала погостить наша кузина Луиза, я тут же привлекала ее в свои игры. Я представляла, что работаю в салоне красоты и, смешав муку с водой, толстым слоем наносила эту вязкую массу ей на лицо. При этом мы все время хихикали. А мои бедные куклы! Я делала им стрижки и красила лучшей маминой косметикой до тех пор, пока они не становились похожими на взъерошенных оципаных трансвеститов.

Однако, несмотря на то что любила все розовое и блестящее, я была настоящей папиной дочкой, отчаянным сорванцом. И когда папа что-то мастерил или ремонтировал в доме, я следовала за ним по пятам с малярной кистью в руках. Я часами раскачивалась, как обезьяна, уцепившись за край крыши сарая, или гоняла по округе на своем велосипеде. И если падала, никогда не плакала. Просто поднималась с земли и ехала дальше. Именно я вела сестру и брата к школьному автобусу и расплачивалась за проезд. Я первой прыгала на глубину в бассейне и первой карабкалась на вышку, ни разу не оглянувшись. Уже тогда я была независимой, дерзкой и бесстрашной. Но я еще не подозревала, что в мире есть зло и насилие.

Шли годы, и маленькая хвостунишка стала большой. К восьми годам я была сумасшедшей фанаткой Майкла Джексона и, немного позже, «Спайс Гёлз». А мама с папой

стали моими невольными зрителями. Не раз и не два, завязав волосы в пучок, я приплясывала перед камином, Луиза и Сьюзи слева и справа от меня. Мы во все горло распевали «Wannabe».

Мы отчаянно фальшивили и не попадали в такт музыке, рвущейся из проигрывателя компакт-дисков, но в моем воображении я была Бэби Спайс и мы штурмовали сцену на церемонии вручения премии Brit Awards.

— Ты пропустила строчку, — со смехом выговариваю я Луизе, которую превратила в Скэри Спайс, просто начесав ее каштановые локоны, подражая стилю афро.

— Упс, — смущенно хихикает Луиза, и мы снова хохочем.

Мы гордо выпагиваем по гостиной вместе со Сьюзи, замотанной в британский национальный флаг, — по этой причине она легко сходит за Джерри¹.

— Мы лучшие! — визгливо выкрикиваем мы, когда песня заканчивается, и мама с папой восторженно хлопают в ладоши.

Я кланяюсь, и щечки у меня горят от гордости.

Мне вовсе не хотелось быть такой же знаменитой, как мои кумиры, — просто нравилось развлекать людей. Я получала удовольствие от их улыбок и от осознания того, что именно я приношу им радость. И купалась в их одобрении. Я была еще слишком мала, чтобы четко представлять себе, чем буду заниматься в будущем: сегодня хотела стать ветеринаром, завтра — полицейским.

Как мячик в пинг-понге, я прыгала от увлечения к увлечению. Степ, верховая езда, скаутское движение, дзюдо — я с присущим мне восторженным рвением хваталась за дело.

¹ Джерри Халливел (Джинджер Спайс) — одна из пяти участниц британской поп-группы «Спайс Гелз». (Здесь и далее примеч. ред.)